

ЖАНРОВАЯ ЭКВИЛИБРИСТИКА В РОМАНЕ Э. МЕНДОСЫ «УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПОМПОНИЯ ФЛАТА» (2008)

Анна Александровна Багдасарова

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: aabagdasarova@sfedu.ru

Александр Игоревич Слышенко

бакалавр-филолог, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: ais161@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется жанровая специфика постмодернистского романа современного испанского писателя Эдуардо Мендосы «Удивительное путешествие Помпония Флата». Роман строится на основе принципов игровой поэтики, одним из проявлений которой становится игра с различными жанровыми традициями, совмещение их в романе. Роман развивает линию иронического детектива, однако в нем также находят отражение жанры романа-путешествия, плутовского и исторического романов, традиции и клише которых иронически трансформируются. Путешествие героя-рассказчика, о котором упоминается в начале и конце романа, по сути, не имеет никакого значения для развития действия. Образ главного героя причудливо объединяет в себе два ключевых для испанской литературы архетипа – плута и Дон Кихота. В соответствии с поэтикой исторического романа в произведении Э. Мендосы создается иллюзия исторической реконструкции, однако истинного историзма в романе нет, так как факты перемежаются с домыслами и откровенно фантастическими элементами, ставящими под сомнение надежность повествования в целом.

Ключевые слова: испанский постмодернизм, Э. Мендоса, необарокко, иронический детектив.

Эдуардо Мендоса-и-Гаррига (р. 1943) – один из самых известных современных испанских писателей, получивших признание у себя на родине и широко за границей. В 2016 г. его вклад в испанскую литературу постфранкистского периода был отмечен главной литературной премией страны – Премией Сервантеса, которой Мендоса был удостоен за первый роман «Правда о деле Савольты» (1975). Иронический детектив Мендосы открыл новый этап в развитии испанской литературы – демократическое «возрождение» после десятилетий франкистской диктатуры. Как справедливо заметил Х. Марриас, «именно он [Мендоса] показал будущим писателям, что значит писать свободно, не считая себя обязанным потакать ни коллегам, ни критикам, ни даже читателю»¹.

Творчество Э. Мендосы оказывается органично связанным с игровой традицией испанского романа, что делает писателя продолжателем «сервантесовской» линии в испанской литературе. Сам Э. Мендоса в интервью на вручении премии Сервантеса отмечал: «Я был и остаюсь преданным читателем Сервантеса, а следовательно, и читателем “Дон Кихота”»². Одновременно творчество Э. Мендосы оказывается связанным с обще-

европейским развитием постмодернизма, однако постмодернистская линия в испанской литературе отмечена национальной спецификой. Так, прочтения творчества испанского писателя в контексте концепции необарокко О. Калабрезе в работах Д. Гомеса-Торреса [Gómez Torres] и И.В. Устиновой [Устинова] кажутся вполне обоснованными.

Постмодернистская эстетика и традиция необарокко находят отражение и в романе 2008 г. “El asombroso viaje de Pomponio Flato”, развивающем традиции иронического детектива в творчестве испанского писателя. В романе, в соответствии с общими принципами постмодернистской литературы, прочитывается установка на неканоничность, «толерантность», ведущие к размыванию границ между «высоким» и «низким», интеллектуальным и массовым искусством, а также на интертекстуальность как способ конструирования текста романа и метатекстуальность, недостоверность повествования, стилистической и жанровой эклектизм.

Местом действия в романе становится Назарет начала I в., населенный евангельскими персонажами (Иосиф, Мария, маленький Иисус, Захария, Елизавета, Иоанн, Иуда, Матфей). Главный герой – знатный римский

¹“Fue él quien enseñó a la mayoría de los novelistas que vinieron después qué era escribir con libertad, sin verse obligado a complacer ni a los colegas ni a los críticos ni tan siquiera al público lector” [Marías].

²“He sido y sigo siendo un fiel lector de Cervantes y, como es lógico, un asiduo lector del Quijote” [Algún día en alguna parte].

гражданин, философ и физиолог Помпоний Флат, персонаж эксцентричный и, возможно, несколько безумный, но при этом весьма эрудированный и интеллигентный. Сюжет романа строится вокруг убийства богача Эпулона, в котором подозревают плотника Иосифа. Сын Иосифа, маленький Иисус, обращается за помощью к Помпонию, и тот берется найти настоящего убийцу и спасти отца мальчика от грозящей ему казни через распятие. В процессе расследования открывается тайна, объединявшая «убийцу» и «убитого». Оказывается, Иосиф в своих странствиях по Египту встречался с Эпулоном, когда тот носил другое имя (Тео Балас) и промышлял разбоем. В обмен на жизнь своей семьи Иосиф пообещал разбойнику «безднаказанность». Тайна, связавшая Эпулона и Иосифа, не позволяет последнему защищать себя перед судом. Таким образом, Иосиф готов принести себя в жертву, а происходящее он воспринимает как свершение предписанного. Любопытно типологическое сходство романной и евангельской ситуаций. Так, Иосиф, единственный плотник в Назарете, вынужден сам мастерить себе крест для распятия, причем старается при этом проявить все свое мастерство, чтобы не ударить в грязь лицом. В этой связи нельзя не вспомнить путь на Голгофу Христа, несущего свой же крест. Только вмешательство Помпония и маленького Иисуса в последний момент, а также счастливое стечение обстоятельств

спасают Иосифа от наказания за убийство, которого он не совершал. Впрочем, убийства, как выясняется, не совершал никто. Эпулон инсценировал свою смерть, чтобы вернуться к старому ремеслу.

Художественная реальность романа представляет собой сочетание фрагментов истории и христианской мифологии, которые можно рассматривать в качестве метанарративов: автор использует их «осколки» как базовые элементы создаваемой им литературной конструкции. Так, прекрасно вписывается в ткань повествования исторически достоверный материал: разделение Палестины между наследниками Ирода Великого, частые восстания на религиозной почве в этом регионе (до начала Иудейских войн), антиримские настроения в народе, лжемессианские движения. Основным же материалом для конструирования текста становятся, конечно, эпизоды и мотивы евангельских преданий, как канонических, так и апокрифических. Любопытно проявляется в романе авторская ирония и характерный для постмодернистского романа «сговор» автора и читателя: аллюзии на евангельские тексты и христианскую мифологию, вполне прозрачные для читателя, совершенно не ясны для главного героя и рассказчика, автора писем, которые составляют ткань романа. Таким образом возникает ситуация нелепой неосведомленности рассказчика о сути происходящих вокруг него событий, которые

становятся своего рода «репетицией» будущего грандиозного сакрального действия, главная роль в котором уже сейчас отведена маленькому Иисусу.

Одним из проявлений игрового начала в романе и его сложной интертекстуальной природы становится жанровая калейдоскопичность «Путешествия...». Фабула романа строится Э. Мендосой вокруг детективного клише – «убийство в закрытой комнате», причем в тексте этот факт иронично подмечает сам рассказчик, приписывая Цицерону ложное высказывание: «Цицерон упоминает подобный <случай>, называя его *occisus in bibliotheca cum porta conclusa*. Загадка, которая кажется неразрешимой»¹. При формальном сохранении детективной ситуации (загадка – сыщик – расследование – раскрытие тайны) автор разрушает жанровый канон: убийство оказывается ненастоящим, ключевые для разгадки элементы Помпоний получает случайно, для раскрытия тайны используется крайне нежелательный для классического детектива прием *deus ex machina* (ключ от склепа Эпулона Помпонию приносит в клюве ворон, а после римская когорта

успевает спасти героев благодаря прямому вмешательству Аполлона), да и сам сыщик оказывается ненастоящим (Помпоний вынужден взяться за это дело, так как ему нечего есть, хотя в благополучный исход не верит с самого начала).

Авторская ирония относительно жанровых клише, акцентирование внимания не столько на самом расследовании (оно движется благодаря скорее цепи случайностей, нежели знаниям и умениям сыщика), сколько на нелепых, смешных, а иногда и опасных ситуациях, в которые попадают герои, игра с ожиданиями читателя – все это соотносится с традицией иронического детектива, который осложнен элементами романа-путешествия, а также исторического и плутовского романов².

Для «Путешествия...», как и для ранних детективов Э. Мендосы, характерна связь с плутовским романом посредством элементов барочного гротеска³. Проследим эту связь через мотивную систему романа. Так, одним из лейтмотивов становится характерный для пикарески мотив голода. Именно голод толкает Помпония на участие в расследо-

¹ Здесь и далее цитаты из романа Э. Мендосы приводятся по русскоязычному изданию [Мендоса] в переводе Н.А. Богомоловой.

² Значимость для романа Э. Мендосы апокрифической литературной традиции и как источника сюжетных ситуаций, и как жанровой модели требует, как нам кажется, отдельного осмысления и в данной статье рассматриваться не будет.

³ Подробнее об этом на материале ранних детективов Э. Мендосы см. в работе И.В. Устиновой: [Устинова].

вании: маленький Иисус обещает заплатить ему сумму, достаточную для оплаты жилья и еды в Назарете. Голод играет важную роль и в других эпизодах: в голодном обмороке героя находит блудница Зара, его кормят в доме Иосифа. Другой важный элемент, который роднит Помпонио с пикаро, – его физическая слабость и недуг специфического свойства (частые странствия и некачественная пища привели к кишечной слабости, которая часто проявляет себя в самый неподходящий момент). С этим аспектом образа главного героя связан откровенный натурализм некоторых сцен романа (например, сцена у склепа Эпулона, где находящегося в укрытии главного героя в самый неподходящий момент выдают малоприятные звуки кишечника, свидетельствующие об очередном приступе его болезни). Это, конечно, вполне соотносится и с традицией пикарески, бесконечно «смакующей» самые нелицеприятные проявления человеческой телесности, и с низовым барокко в целом.

Как и пикаро, главный герой романа оказывается в Назарете маргиналом и взаимодействует с неприглядной «изнанкой» города. Он сам упоминает о своей плохой репутации: «Ведь хотя я и объявился в Назарете лишь накануне вечером, но уже успел снискать себе славу столь же дурную, сколь и ничем не обоснованную» [Мендоса: 102]. Это, а также компания блудницы Зары, неприглядный вид, бесконечные странствия

и плачевное состояние здоровья создают образ бродяги. Как и у всякого пикаро, у героя появляется «хозяин» (эта роль иронично отведена мальчику Иисусу).

При этом в полной мере причислить Помпонию Флата к героям-пикаро, конечно, нельзя. Во-первых, герой образован и, будучи римским гражданином, имеет некоторое положение в обществе даже в столь неприглядном виде. Его статусом во многом и объясняется обращение к нему Иисуса: мальчик знает, что никто в городе не пойдет против решения синедриона, а от ученого римлянина благородного происхождения он ожидает честного и справедливого расследования. Во-вторых, герой романа, в отличие от пикаро, в своих странствиях преследует высокую цель – обретение мудрости (поиски волшебного источника – это одна из мифологем, вокруг которой выстраивается фабульный ряд романа). Эта цель, столь же невоплотимая, как и та, которой бредит главный герой Сервантеса (возрождение ордена странствующих рыцарей и Золотого века), а также подчеркнутая инаковость и возвышенность (в том числе возвышенность слога) героя в окружающем его обыденном мире, равно как и его бесконечные странствия, заканчивающиеся лишь усилением недугов и сомнительными или опасными приключениями (несколько раз его жизни грозит опасность), – все это, безусловно, роднит Помпонию с Дон Кихотом. В этой

связи присутствие рядом верного помощника, Иисуса, еще не знающего жизни, достаточно ограниченного в своих представлениях о мире, видится весьма ироничной отсылкой к образу Санчо Пансы, который верен своему хозяину, несмотря на его причуды, нелепости и неудачи. Таким образом, образ Помпония выстраивается на основе одновременного соединения двух значимых для испанской культуры и литературы архетипических образов: плута и рыцаря.

Другой жанр, элементы которого невозможно отрицать в романе Мендосы, – исторический роман. Можно утверждать, что многие элементы «Путешествия...» действительно направлены на создание определенного исторического и национального колорита. События разворачиваются в строго очерченных географических рамках и помещены в политический и идеологический контекст эпохи, причем последний играет важную роль в сюжете. Стоит отметить многочисленные достоверные детали быта и политической ситуации в Галилее, которые часто складываются в настоящие экскурсии в жизнь Назарета той эпохи. К примеру, в романе присутствует описание погребальных обычаев города:

«Вскоре по сторонам дороги стали встречаться перевернутые и разбитые могильные плиты. Это могилы тех, кому не дозволено покоиться

на кладбище: лихих людей, клятвопреступников и тех, кто поклонялся новоявленным и сомнительным богам <...> Чуть дальше, расположенные в некотором порядке, виднелись греческие и финикийские захоронения, а на склоне холма высились высокие прямоугольные башни, в каких хоронят своих умерших набатеи» [Там же: 180].

Уже в начале второй главы встречается, к примеру, подробное описание боевого пути трибуна Апия Пульхра, которое привлекает широкий исторический контекст и ссылается на многие значимые события и фигуры римской истории:

«Будучи горячим сторонником Юлия Цезаря, после его убийства он тем не менее переметнулся на сторону Брута и Кассия. Позднее, предвидя, что войны им не выиграть, сбежал от них и примкнул к триумвиату, образованному Марком Антонием, Августом и Лепидом. По окончании войны, когда началась распря между Августом и Марком Антонием, Агий Пульхр бился на стороне последнего» [Там же: 19].

Однако подобные исторические экскурсы часто нарушает авторская ирония – так и история Апия продолжается откровенно неправдоподобным сообщением о его любовной связи с Клеопатрой. История и вымысел, факты и «байки» переплетаются в романе, а историческая реконструкция, столь характерная для традиционного

исторического романа, оказывается не более чем авторской игрой.

Таким образом «Путешествие...» скорее притворяется историческим романом – в этом ему помогают обилие достоверных имен и деталей и «уточняющее» авторское послесловие. При этом собственно историзма здесь нет: значимые для поэтики исторического романа элементы, исторический и национальный колорит, используются как элементы текста-конструкции, без установки на создание исторически достоверной картины в целом. Создается лишь зыбкая иллюзия исторической достоверности, которая все чаще разрушается ближе к финалу романа. Это очевидно, например, в сцене встречи Помпония с Аполлоном, окончательно стирающей грань между реальным и вымышленным в романе.

Еще один жанр, представляемый Э. Мендосой в этой искусной литературной эквилибристике, – путешествие. Само название романа очевидно указывает на принадлежность к этой литературной традиции. Несомненно, приключение может включать элементы вымысла, а пространство, в котором проходит путешествие, может быть не только реалистическим, но и мифологическим (например, в «Одиссее»), но установка рассказчика, путешественника и очевидца событий, – это всегда установка на правдивость. Однако в тексте «Путешествия...» мы встречаем не так много самих странствий протагониста –

им посвящены лишь первые несколько глав, которые описывают путь героя в Назарет, и часть последней главы, в которой лишь упоминается о его дальнейших странствиях. По сути, основная часть сюжета разворачивается не в дороге, но в одном конкретном городе, поэтому характерной для путешествия панорамы мест и событий в романе, конечно, нет.

С другой стороны, отсутствие «реально-го» путешествия героя в романе заменено его духовным путем. Помпоний Флат, язычник и скептик, проводит время в беседах с Иисусом, выступая в роли ученика / апостола и одновременно наставника маленького Христа, он наблюдает принципиально отличный от римского духовный и идейный «климат» этой странной для него местности, узнает о вере в Мессию, даже лично встречается с Аполлоном, однако, как и положено герою романа-путешествия, Помпоний проходит этот путь, документирует его, но не меняется и возвращается к тем же бесплодным поискам, с которых начинал. Даже свое чудесное излечение от расстройства желудка он списывает на «непредсказуемость этиологии самых обычных недугов» [Там же: 248]. Тем не менее в финале романа Помпоний любопытным образом раскрывается перед читателем. Примечательна сцена, в которой он, беседуя с Апием Пульхром, на реплику трибуна «О Юпитер! Неужели ты, Помпоний, в твои года все еще веришь, будто есть что-то новое под солнцем?» отвечает утвердительно: «Да,

есть. Это я» [Там же]. Помпоний, решительно отвергающий здесь одно из ключевых утверждений Экклезиаста, о книге которого, конечно, даже не догадывается, максимально лаконично формулирует свое жизненное кредо. Он провозглашает себя постмодернистским субъектом, вечно изменчивым, являющимся маской или совокупностью масок. В романе он упоминает, что «иногда, чтобы исполнить некий замысел или справиться с заданием, человеку приходится скрывать свое истинное лицо и использовать фальшивое имя или даже принимать чужой образ» [Там же: 68]. Пройдя духовное путешествие, герой возвращается к себе, утверждая значимость своей личности в мире, где истинно лишь то, что все может быть подвергнуто сомнению. Игра в художественном мире Э. Мендосы оказывается единственно возможным способом бытия, в том числе и бытия текста.

Литература

Мендоса, Э. (2009). Удивительное путешествие Помпония Флата / пер. с исп. Н. Богомоловой. М.: Corpus.

Устинова, И.В. (2016). Неobarочный дискурс романов Эдуардо Мендосы // Романские языки и культуры: от античности до современности: сборник материалов VIII Международной научной конференции (Москва, 26-27 ноября 2015 г.). М.: МАКС Пресс, С. 288–297.

Algún día en alguna parte. (2017, April 20). *Discurso íntegro de Eduardo Mendoza, Premio Cervantes 2016*. [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=gpC6wsJH7jc> (date of access: 12.05.21).

Gómez Torres, D. (2004). Eduardo Mendoza desde una perspectiva neobarroca: El laberinto de las aceitunas y El misterio de la cripta embrujada. *Ciberletras: Revista de crítica literaria y de cultura*, 12. Retrieved from: <http://www.lehman.edu/ciberletras/v12/gomeztorres.htm> (date of access: 03.03.2021).

Marías, J. (2015, January 09). El triunfo del prófugo. *El País*. Retrieved from: https://elpais.com/cultura/2015/01/08/babelia/1420736560_253314.html (date of access: 17.05.2021).

References

Algún día en alguna parte. (2017, April 20). *Discurso íntegro de Eduardo Mendoza, Premio Cervantes 2016* [Full speech by Eduardo Mendoza, Cervantes Prize 2016]. [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=gpC6wsJH7jc> (date of access: 12.05.21).

Gómez Torres, D. (2004). Eduardo Mendoza desde una perspectiva neobarroca: El laberinto de las aceitunas y El misterio de la cripta embrujada [Eduardo Mendoza from a neo-Baroque perspective: the labyrinth of olives and the mystery of the haunted crypt]. *Ciberletras: Revista de crítica literaria y de cultura* [Cyberletras: journal of literary and cultural

criticism], 12. Retrieved from: <http://www.lehman.edu/ciberletras/v12/gomeztorres.htm> (date of access: 03.03.2021).

Marías, J. (2015, January 09). El triunfo del prófugo [The triumph of the fugitive]. *El País*. Retrieved from: https://elpais.com/cultura/2015/01/08/babelia/1420736560_253314.html (date of access: 17.05.2021).

Mendoza, E. (2009). *El asombroso viaje de Pomponio Flato* [The amazing journey of

Pomponio Flato] (N. Bogomolova, Trans.). Moscow: Corpus.

Ustinova, I.V. (2016). Neobarochnyy diskurs romanov Eduardo Mendosa. [The neo-baroque discourse of Eduardo Mendoza's novels]. In *Romanskiye yazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti* [Romance languages and cultures: from antiquity to the present]: proceedings of the 8th research conference, Moscow Lomonosov University, November 2015. Moscow: MAKS Press, 288–297.

**GENRES' BALANCING IN E. MENDOZA'S NOVEL
"THE AMAZING JOURNEY OF POMPONIOUS FLAT"**

Anna A. Bagdasarova, PhD, Assistant Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: aabagdasarova@sfedu.ru.

Alexandr I. Slyshenko, BA, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: ais161@yandex.ru.

Abstract. The article explores the genre specificity of the postmodern novel, "The Amazing Journey of Pomponius Flat" by the contemporary Spanish writer Eduardo Mendoza. The novel is based on the principles of a ludic literature tradition, one of the manifestations of which is a sophisticated interplay of various 'high' and 'low' genres in neo-baroque fashion. The novel develops an ironic detective story, but also represents different genre markers of the travel novel, the picaresque and historical novels, whose traditions and clichés are introduced in an ironic way. The journey of the hero-narrator, which is mentioned at the beginning and at the end of the novel, in fact, has no significance for the plot. The image of the protagonist combines two archetypal figures, keys to Spanish literature – the trickster and Don Quixote. In accordance with the tradition of a historical novel, E. Mendoza's work creates the illusion of historical reconstruction, but there is no true historicism in the novel, since reliable facts are interspersed with speculations and fantastic elements that question the reliability of the whole story.

Key words: Spanish postmodern literature, E. Mendoza, neo-baroque, genres interplay, ironic detective story.

